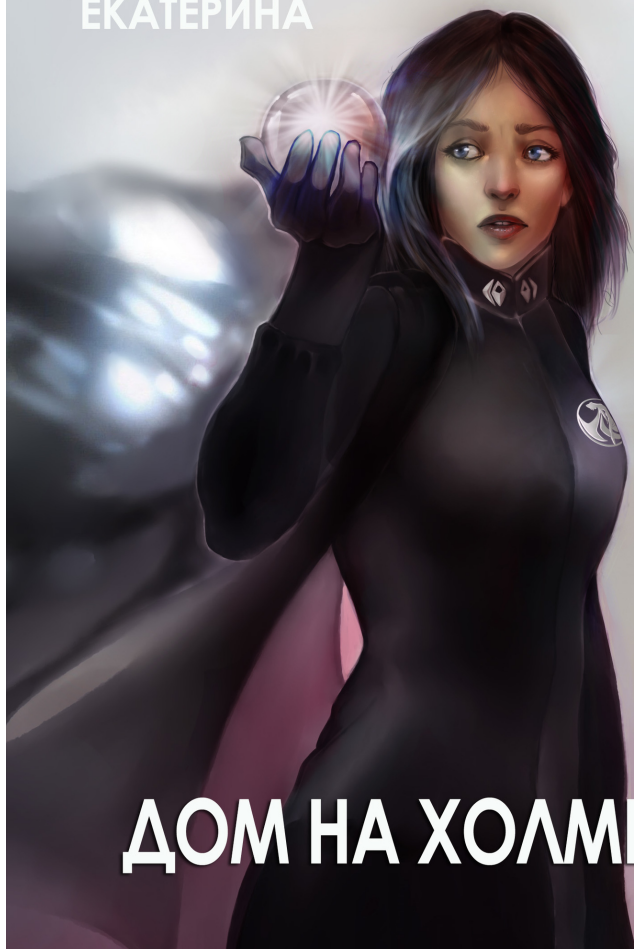

СТАДНИКОВА
ЕКАТЕРИНА

ДОМ НА ХОЛМЕ

Екатерина Стадникова

Дом на холме

Серия «Блуждающая башня», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156913
Дом на холме: ФТМ; Москва; 2013
ISBN 978-5-4467-0032-5*

Аннотация

Как просто все в черно-белом мире. Есть враги и предатели, которых приказано уничтожить. Есть долг, который положено исполнять с честью. Там не задают вопросов и не испытывают терзаний. Лишенные сложных эмоций рыцари-Тени стоят на страже порядка и благополучия. Как было бы все просто...

Дайна – Тень. И всегда носила форму с честью. Она адвокат, следователь и палач в одном лице – Вестник Смерти. Единственный инструмент внутренней безопасности самой могущественной организации. Дайна получает разрешение рекрутировать себе замену. Но что Тень станет делать, если замене всего одиннадцать лет?

Содержание

Глава 1. Странная ночь	4
Глава 2. Большие и маленькие перемены	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Екатерина Николаевна Стадникова Дом на холме

*Стадникову Александру Федоровичу,
Стадникову Александру Александровичу
вечная память.*

Глава 1. Странная ночь

– Зачем навещаете? – робко проскрипел старый кобольд.

При других обстоятельствах Дайна непременно ответила бы: «Чтобы спрашивали» – но это не тот случай и не тот слушатель, кто оценит иронию.

– Пытаюсь понять, – отозвалась она.

– Ну... моя снаружи постоит. – Засов на двери лязгнул, и эхо, охотно подхватив резкий неприятный звук, заплясало между неприветливых сырых стен подземелья.

В центре маленькой квадратной камеры, напоминавшей каменный мешок, возвышалась идеально гладкая ледяная глыба. Морозный кристалл источал голубоватый свет. На него, бесспорно, стоило взглянуть – но не это влекло. Едва запотевшая поверхность отражала черты молодого худого лица поверх тех, что таились внутри. Мисс Уиквилд поежи-

лась. Лед дышал туманом, стелившимся по скользкому полу.

Прозрачный столб хранил в себе тело человека, с которого все началось. Трудно представить, насколько давно. Женщина поймала себя на том, что никак не может отвести взгляда от самодовольно улыбающегося старика. «Вероятно, в юности он тоже был красив», – закралась совершенно неуместная глупая мысль. Воплощение зла, безымянный враг, зверь безжалостный и беспощадный, – просто промерзший насквозь труп.

«Вы, безликие, умрете – а я останусь жить в сердцах преданных детей», – вот что сказал он Первым Рыцарям, прежде чем лед поглотил его с головой. Не побежден, но остановлен. Именно таким Дайна представляла себе безумного мага древнего мира. Правда в ее глазах мертвецу не хватало чего-то вроде крючковатого носа или длинных желтых когтей. Он выглядел слишком... обычно.

В свой прошлый визит сюда мисс Уиквилд выскочила за дверь, не продержавшись и десяти секунд наедине с телом. Чересчур живым казался опрятный старик.

Руки сильно озябли. Покинув камеру, она прислонилась спиной к стене. Даже здесь изо рта шел пар. Вполне понятный страх сковал душу: предчувствие надвигающейся угрозы.

– Леди пугает мою до жути, – признался хрупкий тюремщик. – Лица нет. Точно все хорошо?

– Да, – отозвалась женщина. – Уже ухожу.

– Уходить? Нас давно надо отсюда уходить, – оживился Шепти.

Полоумный кобольд поднял на нее рыжую с проседью собачью морду, встряхнув увесистой связкой ржавых ключей.

Едва ли кто-то еще водил дружбу с Шепти: вид его голого извивающегося крысиного хвоста вызывал тошноту, а специфический запах псины мог свалить с ног. Да и отношение к «нелюдям» за века сложилось не самое лучшее. Но одетый в лохмотья, зловонный и уродливый, старый кобольд обладал чутким сердцем. Именно Шепти позволял Дайне тайком ото всех «навещать» камеру вечного узника глубоко под землей в сырых лабиринтах тюрьмы Трибунала.

– Знаете, моя сама иногда заходит... ну... туда, – вдруг признался кобольд, скрипя тяжелым ключом. – Как живой, но не живой. Зачем запирать? Приказали – Шепти запер. Столько умерло и родилось, а *он* тут.

Старый кобольд почесал рогатую макушку и закашлялся.

– Спасибо, Шепти. – Мисс Уиквилд старалась не дышать.

– Не надо спасибо, – громко высморкался в рукав тот. – Моя не грустно, это лучше спасибо.

Ворча, как пес, и кутаясь в грязные тряпки, кобольд повел ее прочь. Едва ли человек сам смог бы выбраться из этих мрачных запутанных переходов, а вот Шепти и его сородичи знали их наизусть.

Скрежет когтей и шлепанье босых подошв – старый кобольд очень спешил. Если Дайну застанут в этой части тюрь-

мы, его глупая седая головушка окажется... Шепти приглушенно заскулил.

Вдруг впереди раздались точно такие же скрежет и шлепанье, а вместе с ними – стук подкованных сапог. Сердце ушло в пятки. Кобольд схватил обмершую мисс Уиквилд за подол и скользнул в черноту ближайшего коридора. Крошечный зверек проявил недюжинную ловкость и прыть, когда сдвинул камень и скользнул в лаз у самой земли. Женщина не без усилий последовала за ним.

«Кобольду просто», – посетовала она про себя. – «В Шепти едва ли набирался метр роста». Каждой пядью тела Дайна чувствовала неровности проклятого тоннеля. Однако выбор невелик: попасться или спастись. А впереди только куций хвост и пятки.

К счастью, другие посетители прошествовали мимо. Только причин радоваться по-прежнему не было. Мисс Уиквилд скорее догадалась, чем ощутила. Сэр Коллоу – пожалуй, самая высокая во всех смыслах фигура, кроме Магистра, разумеется. Живая легенда, древний, лучший из лучших. Попадаться ему на глаза даже в резиденции Ордена – предприятие рискованное!

Такой, конечно, волен идти, куда заблагорассудится, но пара вещей смущала. Во-первых, что начальство делает на дне мира *лично*? Во-вторых, где глазки-шпионы, прочесывающие все подряд? Где предосторожности? Где? Вывод напрашивался сам собой: Мастер Тени здесь так же незаконно,

как и Дайна.

Испугавшись собственных мыслей, она поспешила нагнать Шепти, уползшего далеко вперед в хитросплетении крысиных ходов.

* * *

Эмили со скучающим видом смотрела в окно, но ровно до того момента, как это заметила ее мать:

– Юная леди, подобные упражнения никак не помогут вам в дальнейшей жизни, – недовольно фыркнула она. – Если бы, считая ворон, можно было чему-то научиться, в мире прибавилось бы образованных людей.

Девочка ничего не ответила и снова принялась монотонно скрипеть пером. Уроки чистописания сводились к бесконечному копированию книжного текста на непослушные, загибающиеся листы. Трудно было понять, что меньше всего нравилось одиннадцатилетней Эмили: та бессмыслица, которую она старательно выводила, или сам факт сидения в душной библиотеке.

А где-то там, внизу, благоухали розы и колыхался ласковыми волнами яблоневоый сад. Как можно было тратить жизнь на шелест пыльных страниц, когда за стенами проходят последние теплые деньки? Но мама, особа принципиальная, имела на этот счет свое собственное мнение.

Ей не было никакого дела до сада, роз или погожего осен-

него вечера. Леди Аэрин Варлоу мечтала воспитать дочь по образу и подобию своему. Эмили же искренне считала себя «папиной» и всячески отрицала внешнее сходство с матерью и доставучими тетушками.

С другой стороны, глупо отрицать тот факт, что мало женщин могли соперничать в красоте и благоразумии с мадам Аэрин. Миниатюрная, она напоминала причудливую куклу: фарфоровая бледность, точеный остренький носик, темные глаза с поволокой и черные густые кудрявые волосы.

Отгородившись толстой книгой в тяжелой обложке, девочка бросила тоскливый взгляд на проделанную работу. Она уже знала, что и этот вариант мама не примет. Вот дважды прорисованная «о», а под конец – «м», исправленная на «н». Стоило начинать переделывать прямо сейчас. Эмили шумно вздохнула.

Из холла донесся мягкий, почти музыкальный звон. Самый радостный и волшебный звук! Вернулся отец. Вот сейчас мама скажет, что на сегодня достаточно, и спустится его встречать, как делает всегда.

Но та отчего-то не спешила.

– Покажи результат, – предложила она.

Девочка послушно встала из-за стола и направилась к сидящей в мягком кресле матери. Приняв из детских ручек работу, леди Аэрин пристроила на носу очки.

– Это никуда не годится, – наконец, сообщила она. После чего встряхнула листы, скомандовав им: – Дэнуро.

Текст, на который потрачен не один час, в считанные секунды исчез с поверхности бумаги. Эмили хотела было надуться, но не успела – дверь в библиотеку распахнулась, и вошел долгожданный спаситель.

Глава семейства, любящий муж и отец, в принципе не понимал желания жены обучать дочь самостоятельно. Но ему отчаянно не хватало твердости, когда дело касалось Аэрин. «С женщинами, детьми и стариками я не воюю», – обычно говорил папа, примиряюще поднимая руки. Круглолицый добродушный мистер Ханс Варлоу служил дочери эталоном того, каким обязан быть настоящий мужчина. Иногда казалась, что эти двое понимают друг друга без слов.

– Кто обидел мою сказочную принцессу? – ласково поинтересовался он.

– Мама, – наябедничала Эмили.

Ханс щелкнул дочь по носу и осторожно поднял на руки.

– Знаешь, Аэрин, я пообщался сегодня с директрисой школы. Встретил ее совершенно случайно. – Мужчина сотни раз пытался заводить разговоры на подобные темы.

Одинаково безрезультатно.

– Нет, – коротко отрезала мама. – Нежелательные знакомства Эмили ни к чему. Перестань, иначе я слягу! Не выдержи и слягу. Так и знай.

– Но хоть на сейчас-то вы закончили? – мистер Варлоу взглянул на жену поверх очков. – Не держи ребенка в доме. Вон какой у нас бледный вид.

– Да, пожалуй, – нехотя ответила мужу леди Аэрин.

Сама Эмили только и ждала этих слов. Вежливо попрощавшись с родителями, она выскользнула за дверь.

Девочка знала усадьбу, как свои пять пальцев. Дом и сад, принадлежавшие семейству Варлоу, казались Эмили целым миром! Тем более что так редко удавалось покидать его. В любом случае, требовалось срочно распорядиться образовавшимся временем, пока мама не придумала какое-нибудь новое задание, чтоб «юная леди не болталась просто так».

На одной ножке девочка задумчиво доскакала до первого этажа, пересекла холл и очутилась на улице. Запахи осени заставляли сердце биться чаще. Хотела ли Эмили в настоящую школу с учениками и учителями? Конечно, да! Во всех книжках, которые ей читал отец, у героев были друзья. Она же прожила уже одиннадцать лет – и все еще писала себе записки и играла сама с собой в шахматы. Скучные кухни не в счет. Эмили знала об их существовании, пару раз родственницы даже навещали усадьбу, только ни одна из сестер мамы не задержалась здесь надолго. «Я ценю тишину», – отшучивался отец. А маленькой Эмили доставалось лишь полное одиночество.

По правде сказать, не такое уж полное – но сверстников рядом с ней действительно не было. В день рождения, задувая свечи на именинном пироге, Эмили загадывала найти друга, а вместо этого получала плюшевых медведей и зайцев. Каждый раз, когда речь заходила о школе, у мамы срочно на-

чиналась мигрень, головокружение, лихорадка, что угодно.

Девочка тихо брела по садовой дорожке, заботливо посыпанной мелким беленьким песочком, пока не вышла к колодцу. Эмили любила разговаривать с эхом.

– Ты скучала? – крикнула она в темную влажную глубину.

– Скучала... скучала... скучала... – отозвался колодец.

Воображение дорисовывало интонации.

– Вот я здесь! – на дне всегда стояла ночь.

– Здесь... здесь... здесь... – подхватило эхо.

Эмили могла так болтать часами – представляя, что в колодце живет точно такая же, как она, девочка, только невидимая. И той второй Эмили тоже очень скучно... За неимением лучшей кандидатуры в друзья можно было общаться с бесконечно повторяющим эхом.

Тут-то до ушей девочки и долетел странный звук. Кто-то плакал! Бросив глупую болтовню с воображаемой подружкой, Эмили, задержав дыхание, напрягла слух. Здорово мешал шелест яблоневых деревьев, но вскоре направление было определено.

Продираясь сквозь декоративные кусты, девочка все боялась, что таинственный «кто-то» умолкнет. В этот момент ее не волновал жалобный треск розового с оборками платья.

Когда перед Эмили открылась щетинящаяся острыми колючками живая изгородь в три человеческих роста высотой, плач стих. От досады девочка пнула мирно лежащее яблоко. Звук определенно не почудился.

А ведь она уже нарисовала себе картинку, будто в усадьбе появился еще один ребенок. Но откуда ему (или ей) взяться? От города можно добраться только нарочно: он расположился почти у подножья поросшего густым лесом холма, на вершине которого, собственно, и находилась усадьба. Между городом и усадьбой были еще какие-то фермы, но Патрик клялся, что детей там нет. Садовник ездил на фермы играть в карты, чем весьма расстраивал экономку Грету Вафэн.

Эмили стащила с волос надоевшие бантики и по-собачьи замотала головой. Пушистые кудряшки отливали медью на солнце. Здесь, в саду, можно было стать собой: забыть о маминых «не бегай», «не смейся громко», «не то...», «не это...»; можно было есть яблоки с дерева или даже с земли! Более того – вообразить себя хоть капитаном пиратского корабля или независимой искательницей приключений!

Но для начала, стоило разуться. Нанизав туфельки на ленту и закрепив все это на поясе, девочка приготовилась с головой погрузиться в мир грез – оставалось подыскать подходящий «клинок»: без сучьев и, по возможности, не кривой. Тот «плач» теперь казался ей шалостями бурного воображения.

Вдруг Эмили остановилась, как вкопанная, и от смущения ее щеки залила краска. Неподалеку в тени у самой изгороди стоял *он!*

Люсьен выглядел моложе папы – наверное, из-за своей худобы. Девочка втайне надеялась, что когда его жена

умрет, родители разрешат выйти за него замуж. Это, конечно, несусветная глупость – но Люс был тем самым «единственным другом», который скрашивал одиночество мисс Эмили Варлоу. Он выглядел таким же узником усадьбы, как сама девочка, оттого Эмили симпатизировала бедняге. Шутка ли? Взрослый мужчина, которому не позволялось показываться за воротами. Из всех местных обитателей один Люсьен не имел особенной роли. Так только, составлял отцу компанию за шахматной доской и болтался с девочкой по саду.

– Тоже слышала? – обернулся Люс.

– Плач? – уточнила Эмили.

– Да, – мужчина достал из кармана брюк начищенное румяное яблоко и протянул Эмили. – Не могу понять, кажется мне это или нет.

– Не кажется, – сообщила она. – Двоим казаться не может.

– Спорный вопрос, – Люс широко улыбнулся. – Предлагаю экспедицию за изгородь!

Не успела девочка обрадоваться, как строгий голос все испортил:

– Не важно, во что вы двое играете на этот раз, но в лесникто не пойдет! – немолодая стройная блондинка в жемчужного цвета блузе и брюках смотрела сурово.

– Сашхен, – Люсьен умоляюще уставился на жену. – Клянись, мы что-то слышали. Там кто-то есть.

– В мире полно всяких тварей, мой дорогой, – закатила

глаза та.

– Это не «всякие твари», а ребенок! – продолжал бессмысленное сопротивление он.

– В лесу? – скептически осведомилась мадам Александра. Люсьен умолк и прислушался – в надежде, что таинственный «кто-то» снова подаст голос. Но, увы.

– Ваша матушка едва ли будет рада лицезреть вас в таком виде, юная леди! – С правдой не поспорить. – А ты, мой дорогой, помнится, был послан за начинкой для пирога. Где корзинка?

Эмили спрятала за спину надкушенное немытое яблоко.

– Ничего, мы все равно посмотрим, что там, – заговорщически шепнул Люс, когда мадам Александра скомандовала девочке следовать за ней.

Сашхен, или Альхен (как ее чаще называли) обладала невероятно тяжелым характером и неколебимой волей. Эмили могла с легкостью представить мадам Александру в любой самой опасной ситуации, но этот героический образ никак не уживался с должностью «кухарки», которую та занимала. Стоило чему-то произойти – как подробности тут же становились известны мадам Александре. При всем при том, она никогда не сплетничала – большинство новостей так и оставалось в ее полной чужих тайн голове. Девочка подозревала, что именно Альхен следовало винить в бессрочном заточении Люсьена. Вольно ли, невольно, но абсолютно все в усадьбе подчинялись ей. Ко мнению Альхен прислушивался

даже папа.

А еще – Эмилию просто поражали неестественно-желтые глаза мадам Александры. Такие подошли бы кошке. Разумеется, мисс Варлоу не была необразованной дурочкой. Она прекрасно знала об аниморфах и прочих людях, одаренных Призмой щедрее остальных. Только девочке ни разу не удалось поймать кухарку в образе зверя. Однако мышей в усадьбе не водилось.

Из-за деревьев вынырнул двухэтажный коттедж, оплетенный виноградной лозой. По одну сторону от него лежала дорога на пирс, упиравшийся в небо, по другую возвышалась неприступной стеной живая изгородь. Здесь и жили Люсьен с женой, мадам Грета Вафэн, а в сарае обитал Патрик.

– Так что вы слышали? – уточнила Альхен, остановившись у окруженного цветочными клумбами коттеджа.

– Я не уверена, но... кто-то плакал, – только теперь девочка заметила громадную дыру в подоле.

– Двоих вас я не могу отпустить в лес, – мадам Александра прищурилась. – А вот если уговорить Падди... Это намек. А теперь чинить платье. Мы же не хотим, чтоб у леди Аэрин началась мигрень или чего похуже?

Про себя Эмили подумала, что испорченное платье вызвало бы не головную боль, а океанический шторм в миниатюре вместе с очередной лекцией «о поведении, недостойном девочки из приличной семьи». Как хорошо, что кухарка умела хранить секреты.

Эмили любила прибегать в маленький уютный коттедж: здесь для нее не существовало лишних правил. Девочка благодарила небо за то, что мать редко покидала дом. Вообще, леди Аэрин Варлоу имела множество занятных пунктиков относительно окружающего мира. И приятно, что сама Эмили была их лишена.

В просторной комнате пахло свежей выпечкой. А за столом сидела пухленькая Грета в накрахмаленном чепце и простом синем платье:

– Альхен, кто плакал? – Она подняла круглые, вечно удивленные глаза.

– Вы сговорились свести меня с ума? Так интересно? Следтай! – Блондинка собрала платиновые волосы в хвост и жестом указала девочке на трехногий стул. – Если еще кто-нибудь скажет про «странный голос за изгородью», я сама пойду смотреть.

Эмили спокойно стояла и ждала, пока мадам Александра принесет из своей комнаты иголку и нитки, про себя умоляя Патрика зайти и стать тем самым «еще кем-нибудь».

Вдруг девочка краем глаза заметила что-то розовое и пушистое, скользнувшее вверх по лестнице вслед за женщиной. Показалось?..

Уже через пару минут Альхен скомандовала ей прикусить язык.

– Давай! А то как ум зашью? – усмехнулась та.

Конечно, Эмили не хотела поглупеть от такой ерунды. Ма-

дам Александра недовольно хмурилась, складывая вместе края дырки.

– Рэнова! – и игла принялась ровно штопать.

Когда работа была закончена, только тот, кто знал, мог сказать, что здесь зашивали. Мадам Александра придирчиво осмотрела подол.

– Другое дело... – довольно протянула она. – Теперь хоть на бал!

– А в лес? – осторожно спросила девочка.

– Вот привязалась! – Альхен изобразила раздражение. – Медом там намазано? Что ж – пойдем, но если никого не встретим, все расскажу леди Аэрин про платье!

Эмили захлопала в ладоши. Кухарка подцепила с крючка пояс, на котором болталась пара топориков, и пристроила куда следует.

– Ради всего святого, осторожнее, – запричитала Гретхен.

– Не волнуйся, Гренни, – девочка ловко спрыгнула на пол босыми ногами. – Мы будем осторожнее самых осторожных белок!

Вскоре к компании присоединился Люс, которого хлебом не корми, только дай найти себе приключения.

Дорога от ворот, извиваясь, уходила по склону холма, через лес, вдоль полей, к городу, где наверняка жило много детей. Эмили грустно обвела взглядом манящую серую ленту, исчезающую за деревьями.

– Куда? – коротко осведомилась Альхен.

– Налево, – два голоса ответили хором.

Люсьен взял девочку за руку, заставив обуться, и поспешил за женой, уже петлявшей между кустов. Эмили ужасно не хотела отстать, потому старалась изо всех сил. Сам Люс устал первым. Прислонившись к дереву, бедняга тяжело дышал.

– Проще с кроликом наперегонки, – улыбнулся тот.

– Ага, – кивнула она.

Эмили любила лес – возможно, за то, что сюда точно никогда не ходила ее мама, но, скорее всего, по какой-то другой, неизвестной причине. Осень еще не тронула листья, перешептывающиеся с яблонями за стеной.

– Что это? Слышишь? – она принялась теребить Люсьена за рукав.

– Тихо, – шикнул друг и затаился.

Кто-то всхлипнул совсем рядом.

– Эй, выходи, не бойся, – позвала Эмили.

– Не могу – я застрял, – откуда-то сверху ответил мальчик.

Все подняли головы, как по команде. В густой листве едва различалась маленькая фигурка.

– И чего ты там делаешь, приятель? – Люс еле сдерживал смех.

– Гулял, захотелось влезть на дерево, застрял в дупле, – отрезал тот.

– У-у-у... скрытный? – Нога бедняги действительно казалась неестественно вывернутой и припухшей. – У тебя имя

есть – или тоже тайна?

– Никодемас, – отозвался мальчик.

– Люсьен. Очень приятно, – представился он.

Мадам Александра возникла как из воздуха. Вероятно, эта женщина успела обежать всю усадьбу по кругу, если это вообще возможно за такой короткий срок. Альхен не запыхалась. Ни единый волос не выбился из тугого пучка.

– Мы правы, он настоящий, – торжествующе объявил Люс.

– Значит, это ты плакал? – задрав голову, осведомилась мадам Александра.

– Я не плакал! – Никодемас спрятал покрасневшие глаза в ладони. – Никогда не плачу.

– А я огромный лиловый слон, – Альхен позволила себе криво усмехнуться, – просто болела много. Держись, мы достанем тебя.

Эмили наблюдала за происходящим, затаив дыхание. Вот сейчас мадам Александра все же превратится в кошку, взлетит на дерево и... Но не тут-то было. Люсьен подпрыгнул до ближайшей ветки и подтянулся. Друг казался героем! Люс ласково уговаривал мальчика расслабиться и не дергать ногой, чтобы не сделать хуже.

По логике вещей, освобожденным положено благодарить тех, кто помог. Только этого не произошло. Смуглый черноволосый мальчишка смотрел на спасителя волком. Еще влажные, блестящие от слез глаза напоминали печеные виш-

ни. Поджатые тонкие губы выражали досаду попеременно с обидой.

– Я бы сам справился, – наконец выдавил тот.

– Не сомневаюсь. – Люс, ко всем своим достоинствам, был обладателем легкого нрава.

– Правда? – Никодемас нахмурил черные, как углем нарисованные брови.

– Клянусь! – Люсьен начертил большим пальцем на груди крест. – Может, есть смысл прогуляться с нами? Чай... пирожки... Нет?

– Смысл есть, – нехотя признался древолаз-любитель, покосившись на мадам Александру.

Девочка из всех сил желала радоваться подобному странному стечению обстоятельств, но не очень получалось. Поражала неблагодарность, с которой какой-то Никодемас отнесся к помощи Люса. Это заставляло тихо кипеть от ярости.

* * *

Мисс Эмилия старалась не смотреть на вредного мальчишку. «Из всех детей в мире сюда попал именно этот», – думала она. Люсьен примиряюще сидел между ребятами и честно пытался вытянуть из нечаянного гостя еще хоть что-нибудь о нем или его семье:

– Уверен, что родители не станут волноваться о тебе? – Мужчина коротко взглянул на Альхен, якобы дремавшую в

кресле.

– Не станут. – Возможно, Никодемас и хотел вести себя прилично в компании незнакомых людей, но к блюду с пирожками мальчика тянуло непреодолимой силой снова и снова.

– Как знаешь, – пожал плечами Люс.

– Спасибо, очень вкусно, – вдруг спохватился Никодемас.

– Ну хоть кто-то... – мадам Александра приоткрыла один глаз.

Эмили приглушенно фыркнула, что тоже было не очень-то тактично: она «хозяйка», а это «гость». Люсьен хлопал ресницами и виновато улыбался жене.

– Что нам с тобой делать, молчун? – продолжила Альхен, обращаясь к мальчику.

– Ночью в лесу плохо. – Он поднял на женщину полный решимости взгляд, – но я как-нибудь справлюсь. Моих... родственников нет в городе до завтра.

– Ишь какой! – мадам Александра скрестила руки на груди. – А вот я предлагаю переночевать здесь, а утром кто-нибудь отвезет тебя домой.

– Я могу это сделать! – оживился Люсьен.

– Вообще-то, под «кем-нибудь» я имела в виду Падди, – призналась та.

Бедняга едва заметно скис.

– Только откуда мы знаем, что ты... Никодемас, да?... что ты, Никодемас, ничего не замышляешь? – Мадам Алек-

сандра подалась вперед. – Почему ты не хочешь сказать, что на самом деле делал под нашими стенами?

Все присутствующие затаили дыхание: Люс укоризненно сверлил жену умными серыми глазами, та в свою очередь напоминала ищейку, взявшую след, а темноволосый мальчик напряженно думал.

Эмили просто наблюдала за происходящим, как в театре. Немая сцена оказалась недолгой.

– Я верю в добываек, они просто обязаны жить в таком месте, как это, – проговорил Никодемас. Даже на его смуглой коже проступил румянец. – Я никогда их не видел, но...

Девочка больно прикусила язык, Люсьен хрюкнул в чай, а Альхен просто кивнула. Мальчик открыл рот, будто хотел что-то добавить, но мадам Александра подняла в воздух указательный палец:

– Ни я, ни мой муж, ни, тем более, леди Эмилия не можем решить, останешься ты или нет. – Стальной голос и невозмутимый тон намертво приковывали внимание. – Хозяин дома господин Ханс Варлоу не выгонит ребенка за порог. Сейчас мы отправимся к нему. Только там придется рассказать о себе все, что он пожелает узнать.

Мадам Александра поднялась на ноги и увлекла Никодемаса за собой. Мальчик послушно последовал, а Люс отчего-то не позволил девочке присоединиться.

– Так будет лучше, – шепнул он.

Эмили надула губы, но осталась сидеть. К ее глубочайше-

му сожалению, до ужина есть строго воспрещалось: семейство Варлоу садилось за стол в пять и не минутой раньше. Хотя, как ни странно, Никодемас вытеснил из головы и ароматный чай, и удивительные пирожки, которых еще ждать чуть не целую вечность.

Она так мечтала о друге-ровеснике! Можно было сколько угодно фантазировать на эту тему, ведь в своих мечтах девочка всегда занимала центральное место: все любили ее и хотели с ней играть. А что если мальчик не захочет стать ее другом? Да и как узнать это? Не спрашивают же о таких вещах прямо! Ожидание в полной тишине тянулось мучительно долго.

– О чем думаешь? – Люс осторожно щелкнул Эмилию по носу.

– Не «о чем», а «о ком», – машинально поправила девочка.

– Твой отец добрый и мудрый человек, такой обязательно примет верное решение, – успокоил он.

Люсьен потрепал Эмилию по волосам. Но не этого опасалась она – папино благородство сомнений не вызывало. Эмили спрашивала себя: а хочет ли *она* продолжения знакомства? «Да» или «нет»?

На дальнейшие рассуждения времени совсем не оставалось. Старые часы показывали без четверти пять.

Вот уже несколько часов Дайна гипнотизировала входную дверь самого дешевого и грязного кабака городских трущоб. Неприятного вида посетители сновали туда-сюда с кружками, наполненными отвратной грошовой выпивкой.

Женщина нашла себе максимально удобное место: перед ней открывался весь зал, слабо освещенный масляными лампами, а спина упиралась в стену, что немаловажно в подобных заведениях. Полуподвальное помещение, забитое разношерстной публикой, едва ли могло понравиться человеку в здравом уме.

Мисс Уиквильд прекрасно отдавала себе отчет в том, где находилась, но цель и на этот раз оправдывала средства. Она назначила здесь одну встречу – чтоб та незаметно перетекла в другую.

Самое сложное – правильно спланировать «случайное свидание». Именно сюда приходил после работы Шепти. Очень хотелось узнать, к кому именно заглядывал Сэр Джулиус Коллоу. Кобольды не болтливы, вытянуть что-нибудь из Шепти задача не из простых. Но первым она ждала не его.

Скрипучая дверь открылась, и фальшиво звякнул колокольчик. На пороге стоял бандитской наружности плотный горбатый мужичонка неопределенного возраста в выцвет-

шей темно-коричневой рябой куртке. Звали его Найджел, Найджел Борджес.

– Ну и забралась же ты, Дайна! – хихикнул он, пододвигая стул. – Натворила чего? Или так, приключений захотелось?

Этого персонажа она знала с первого дня своей короткой жизни. Борджес служил не за страх, а за совесть. В любом состоянии он был к услугам своей хозяйки. Правда, последний год упрямо игнорировал просьбы привести себя в порядок. Хотя опрятным Найджел никогда и не был. Леди Уиквилд получила его уже сломленным и разбитым. Прежняя Леди, некто Помона Томсон, отпустила Борджеса аккуратно перед тем, как погибнуть. Обстоятельства засекречены, да Дайна и не особенно жаждала разобраться.

– Не то и не это, – сообщила женщина.

– Думаю, пить здесь – занятие самоубийственное, – бросил Найджел, цепким взглядом окидывая местный народец.

Дайна впервые за день широко улыбнулась и достала из запазухи высокую тонкую бутыль. Глаза Найджела так и заискрились.

– Ух, балуешь старика! – ворковал он.

– Балую, – согласилась мисс Уиквилд. – Только не за здорово живешь. Надеюсь, это понятно?

– Ничего не случается просто так, – отмахнулся мистер Борджес. – И могу тебя... обрадовать. Но сперва горло промочу, не возражаешь?

Конечно, она не возражала. Это как раз поможет подоль-

ше посидеть, не привлекая лишнего внимания. Женщина спокойно наблюдала за Найджелом, который ловко открыл бутылку и с наслаждением приложился.

Мистер Борджес – одна из самых загадочных личностей: Дайна никак не могла взять в толк, что он со всеми своими замашками делает в Ордене. Хотя на Найджела можно было положиться, и мисс Уиквилд не раз в этом убеждалась. А еще ходили слухи, что и он совершал героические поступки. В свое время, разумеется.

– Говоришь, есть чем обрадовать? – уточнила она.

– Припасено, не сомневайся, – мужчина энергично закивал. – Ходят слухи, что... впрочем...

Мистер Борджес протянул широкую грубую руку через стол и крепко взял Дайну за локоть. Та невольно склонилась к собеседнику. Мужчина заговорил быстрым шепотом:

– Ох и неудачный момент ты выбрала для свиданий с кобольдами, девочка, – прошипел он, обдав мисс Уиквилд дыханием. – Не лезь в дела дядюшки Жу-Жу, не отмоешься потом. Я плохого не посоветую. Ты же мне родная.

– Откуда тебе?... – начала, но осеклась.

Одному ему известным способом Найджел Борджес оказывался в курсе всех происходивших с ней событий, хотя по роду деятельности эта женщина чувствовала слезку кожей.

– Плохого не посоветую, – повторил тот. – Ты мне живая и здоровая нужна. Если срежешься, с тобой спишут и меня. А учиться жить по-другому старине Найджелу поздно, как

ни крути. Без тебя я – дырка от бублика.

Вот тут бы Дайне взять и задуматься, но менять свое-го решения женщина не собиралась. Ведь она же не плани-рует предпринимать никаких действий – просто удовлетво-рить любопытство. Поговаривали, что Борджес знал Джули-уса Коллоу до того, как тот окончательно стал «великим и ужасным» где-то лет сто назад.

– Спасибо за заботу, но я вольна распоряжаться личным временем, – резко ответила Леди Уиквилд и сама себе уди-вилась.

– Тебе видней. – Собеседник откинулся на спинку стула. – Но когда станет горячо, не зови меня, договорились?

– Нет проблем, – фыркнула Дайна.

– Тогда я больше ничего не скажу. – Найджел скривил рот в ухмылке. – Жди новостей. Они найдут тебя сами.

Мистер Борджес небрежно подцепил бутыль со стола дву-мя пальцами и, картинно раскланявшись, оставил «началь-ницу» в гордом одиночестве.

Запоздалая совесть предательски кольнула между ребер. На нее-то Найджел и рассчитывал. Некрасиво вышло. Дайна чувствовала, что не права, но отступить сейчас сто-ило бы гораздо больших усилий, чем не сделать этого. В кон-це концов, а с чего она взяла, будто бедняге Шепти известно, к кому ходил господин Коллоу?

Совесть успокоилась, когда Дайна сообразила, что ко-больд не придет. Скорее всего, Найджел об этом позаботил-

ся. Обижаться глупо, оставалось просто подняться из-за стола и выйти на воздух.

Сумерки уже успели сгуститься, и пейзаж казался еще более неприветливым, чем при свете дня. Сунув руки в карманы мешковатого серого плаща с капюшоном, мисс Уиквилд поспешила прочь от пьяных компаний, разбитых окон и неработающих фонарей.

Так она ничем не отличалась от понурых прохожих. Ночь быстро разгоняла людей по домам, подворотни и узкие улочки пустели. Явственно ощущалось присутствие кого-то еще: мужчина шел хвостом почти от самых дверей питейного заведения, полагая одинокую фигуру легкой добычей.

Дайна осторожно замедлила шаг, справедливо рассудив, что уж лучше немного пострадает она, чем кто-то другой. Убедившись в твердости намерений преследователя, мисс Уиквилд нырнула в унылый сквер. Она чувствовала запах, слышала прерывистое дыхание преследователя. «Чего же тебе хочется? Ограбить, изнасиловать, убить? Или все сразу?» – Дайна сделала вид, что замешкалась, разыскивая что-то в пустых карманах.

Безлюдная дорожка, освещенная робкими звездами – идеальное место для нападения. Тем более, если жертва – хрупкое создание. Шорох, громкое сопение – и короткий удар между лопаток.

Лезвие ножа обагрилось кровью, даже тьма запущенной аллеи не могла помешать рассмотреть это. Но, как ни стран-

но, больше ничего не произошло! Привыкший, что «тело» падает после первого удара, убийца от удивления изготовился повторить попытку.

Время, и без того точно сонное, замерло. Дайна медленно стащила с головы глубокий капюшон.

Она повиновалась стойкому желанию максимально перепугать поганца. Пульсирующая боль терзала спину! Должен же за это кто-то ответить?

«Маска Тени» – универсальная защита. Сквозь нее не проникает солнечный свет, и извне ничего не разглядеть, а вот Танцору она не мешает никак. Преступник увидит лишь летучее черное марево там, где должно быть лицо. Не отказывая себе в удовольствии, женщина плавно развернулась.

– Властью, данной мне Трибуналом, – спокойно начала Леди Уиквилд, – приказываю сдаться.

Она небрежно повела плечами, сбрасывая неприглядного вида плащ, чтоб ошарашенный злоумышленник осознал всю абсурдность сопротивления. Форменная черная мантия с серебристой эмблемой на груди слева и прочими знаками отличия не оставляла шансов.

Невезучий убийца бросился бежать, но уйти далеко ему, конечно, не удалось. Нет, можно было ограничиться простым арканом пут, только Дайна не на шутку разозлилась. Толстые вертявые стебли ринулись из-под земли, чтобы скрутить преступника, как живые змеи. Скот отчаянно вопил и вращал глазами. Леди Уиквилд отчетливо слышала

треск костей.

Вообще Теням злиться не положено. Уж очень плохо это кончается. Однако довольно сложно сохранять хладнокровие, когда боль мешает сосредоточиться. «Никогда не думала, что получу первое ранение вот так бездарно», – мелькнуло в голове.

– Напавший на Танцора автоматически признается дивным, – присев на корточки рядом с преступником, сообщила Дайна. – Повезло мне.

Мерзкий тип бессильно взвыл и затих. Закон предписывал «вызвать представителей органов охраны порядка» и «оказать им содействие», будто она и так его еще не оказала. Правда, со своим служебным положением Дайна вполне могла прикончить гадину прямо здесь, а сообщить по факту. Тем более учитывая, что технически он не просто бандит, а враг Ордена. Только подобные методы никак не вязались с внутренними принципами. Так что... отдых откладывался.

* * *

Эмили села в постели. Патрик всегда уезжает в город на рассвете, чтоб успеть обернуться к вечеру – а ведь ей так и не удалось после ужина вырваться. За столом отец даже не обмолвился о появлении в поместье временного жильца. Подобное обстоятельство не могло не настораживать.

С другой стороны, едва ли мама одобрила бы присутствие

одного из тех, от кого старалась оградить дочь любимыми способами.

Вот почему Эмили так старательно изображала спящую, когда родители пришли поцеловать ее на ночь и погасить лампы.

Подождав какое-то время и пытаясь не шуметь, девочка слезла с кровати; мягкий голубой ковер щекотал пятки. Подкравшись к двери, она настороженно прислушалась.

В доме царили безмолвие и запах потухших свечей. В любом случае, спускаться через три этажа довольно рискованно: ну как если отец все еще в библиотеке?

Избранный Эмилией вариант побега едва ли можно было считать безопасным. Она планировала воспользоваться способом, описанным в такой туче книг. «Если крепкие парни лазали к своим возлюбленным на балконы по стеблям, почему одиннадцатилетняя девочка не может спуститься по ним к будущему другу?», – размышляла Эмили.

Юная авантюристка критически осмотрела свой наряд: длинная до пола ночная рубашка незабудкового цвета и сеточка на волосах. Задача осложнялась, но искать в шкафу подходящее платье нельзя. Вряд ли получится сделать это тихо, а спальня родителей точно напротив!

Эмили подобрала подол, завязала его на боку чуть выше колена узлом – так, чтоб сорочка не сковывала движений – и подкатала рукава. После чего сняла с волос раздражающую сеточку. Метнувшись обратно к кровати, девочка достала из-

под подушки симпатичного беленького зайку в черном жилете. Из незаметного кармана она извлекла крошечный ключик, взятый уже давно. Эта вещица нужна для замка, врезанного в оконную раму. Зачем запирать на ключ окна второго и третьего этажей, Эмилия понять не могла, как ни старалась.

Остановившись в центре комнаты, она сцепила пальцы, зажмурилась и едва слышно прошептала: «Сириус, помоги!» На этом приготовления к путешествию окончились.

Эмилия взобралась на письменный стол, за которым когда-то сидел ее отец, и его отец, и многие из тех, чьи портреты украшали стены. Проскользнув за занавесь, девочка максимально осторожно вставила ключик в замочную скважину. Чем ближе становилась свобода, тем быстрее колотилось сердце – казалось, этим стуком можно перебудить всю округу!

Замок лениво щелкнул язычком – Эмили затаилась и напрягла слух. Она морально готовилась к тому, что вот сейчас раздадутся легкие шаги, но весь дом безмятежно спал. Тогда девочка уперлась руками в тяжелую раму. Секунды таяли, но дерево не поддавалось. Эмили боялась переусердствовать и выпасть из окна. Отчаянье заполняло душу, и от осознания собственного бессилия захотелось расплакаться – но это было бы настолько «не героически»!

Стоило конструкции прийти в движение, возникла новая проблема: открыть раму беззвучно не выйдет! Оконные петли угрожающе всхлипнули. Девочка снова вернулась в ком-

нату. На столике трюмо стоял фигуристый зеленый пузырек с мятным маслом. Внутренний голос подсказывал, что стоит попробовать...

Эмили зубами открыла крышку (она вообще многое бралась открывать именно этим способом). Приятный успокаивающий аромат наполнил комнату.

Смазав петли, девочка надавила на раму снова. Стекла дрогнули, тяжелые створки распахнулись, впустив волну еще такого по-летнему теплого воздуха.

Она опустилась на колени и посмотрела вниз. Тут-то Эмили и сделалось страшно. Вдруг она не дотянется до лозы? Или та не выдержит веса? Или... в общем, этих «или» становилось больше с каждым вдохом.

– Жребий брошен! – не ею выдуманная фраза придавала девочке решимости.

Несколько шажков по карнизу. Крепко уцепившись за штору, Эмили дотянулась до узловатого стебля дикого винограда, который с легкой руки Падди живописно оплетал всю стену. Резко выдохнув, девочка перебралась одной ногой на куст... Сердце бешено колотилось в горле!

Крючки, державшие занавесь, принялись по очереди обрываться. Эмили взглянула на лозу как раз в тот момент, когда здоровый самодовольный паук осторожно целился пристроить длинные передние лапки ей на тыльную сторону ладони. Здравого рассудка хватило только на то, чтоб не взвизгнуть.

Девочка отдернула руку. «Ну вот и все», – подумала она, чувствуя, как неумолимая сила притяжения влечет к земле вместе с бесполезной шторой. Показалось, что время остановилось...

На несколько мгновений Эмилию будто обдало зябким ветром. Возможно, все просто глупый сон? Потом что-то подхватило девочку, и в лицо ударил жар. Она зажмурилась.

– Сириус, спаси! – словно заклинание или молитву, повторяла Эмили.

Почему именно «Сириус»? Как любой маленькой девочке, мисс Эмили Варлоу необходимо было во что-то верить. Во что-то далекое, как звездные россыпи, и одновременно близкое, как ласковые объятия. Может, поэтому мистер Ханс Варлоу рассказывал дочери о белом рыцаре, которому обязательно суждено разогнать тьму и спасти принцессу? А когда та спрашивала, где *ее* «рыцарь», брал девочку за руку, подводил к окну и указывал на сияющую точку в бархатно-черном небе...

Наконец Эмили нашла в глубине души смелость открыть глаза. Девочка обнаружила себя лежащей в «гамаке» виноградной лозы почти у самой земли. Мысленно поблагодарив Патрика за чудесное спасение, Эмили завернулась в так кста-ти оторванную штору и направилась к коттеджу.

Где-то под ребрами ворочалась досада: в мечтах девочка обычно лихо проделывала подобные трюки, а в реальном мире это едва не стоило ей жизни. Эх, если бы не добрый

Падди! Сад и садовник понимали друг друга. Кто из них правду являлся волшебным, а кто просто попал под влияние, мисс Варлоу не представляла.

Свет в окнах не горел – и дверь, естественно, оказалась заперта. Вскарабкавшись на ящик с песком, скрытый розовыми кустами, Эмили заглянула в комнату. Кресло, в котором обычно сидела Альхен, превратилось в кровать, но и в ней оказалось *пусто!*

Эмилия напрягла глаза и практически приклеилась к стеклу, как вдруг...

– *Бу!!!* – треклятому мальчишке вздумалось притаиться с той стороны и выскочить в самый неподходящий момент.

Эмили, запутавшись в тяжелой ткани, рухнула вниз – и на этот раз не отделалась так легко. Ушибленный бок болел, а на ссадинах крупными бусинами выступила кровь.

– Дурак!.. – прошипела она сквозь зубы.

Если б не переполнявшая злость, слезы непременно хлынули бы. Дверь скрипнула. Эмили повернула голову на шорох шагов... Гадкий шутник казался испуганным.

– Больно? – спросил полный раскаяния Никодемас.

– Подойди поближе, тогда скажу. – Она села и утерла кровь шторой.

После того, как виновник злоключений приблизился на нужное расстояние и склонился, мисс Эмилия вlepила ему звонкую затрещину.

– Больно? – ехидно осведомилась она.

– Заслужил... – потер скулу тот. – У тебя ранка? Дай...

– Нет, спасибо, – процедила Эмили.

Тогда он сам протянул руку и осторожно ощупал запачканную коленку.

– Эй! – бедняжка поджала ноги. – Я же сказала, нет!

– Прости. – Никодемас с трудом скрыл смущение. – Мне жаль.

Вот тут злоба улетучилась, и ее место заняли так не вовремя брызнувшие слезы. Девочка спрятала лицо в темную плотную ткань.

– Чего тебе не спится? – шепотом спросила Эмили.

– А ты бы легко уснула в незнакомом месте? – Мальчик сел на бордюр.

– Отвечать вопросом на вопрос невежливо, – назидательно сообщила мисс Варлоу, шмыгая носом.

– А подглядывать вежливо? – резонно парировал тот.

Эмили уставилась на наглеца блестящими глазами.

– Нужно промыть... чтоб не попала зараза. – Умник кивнул на ссадину, где снова выступила кровь.

– Откуда такие познания? – скептически хмыкнула Эмили.

– Ай, ладно! – вдруг не выдержал Никодемас. – Хотел как лучше. Наверное, девочки из больших красивых домов ни с кем не дружат.

Вредный мальчишка резко поднялся и направился прочь.

– Постой! – Эмили вскочила, отбросив штору.

Никодемас оглянулся, и его смуглая физиономия расплылась в улыбку:

– Ничего себе вид! – мальчик согнулся в беззвучном смехе.

– А сам-то?! – фыркнула она, спешно подбирая изрядно испачканную тяжелую ткань.

Да, в теперешнем состоянии мисс Эмилия Варлоу едва ли напоминала «леди». Но присмотревшись к шутнику повнимательнее, она узнала на нем старую сорочку Альхен! Девочка много раз видела раньше эту вещь. Мадам Александра спала в комнате Эмили, когда той нездоровилось.

Можно было бесконечно смеяться и показывать друг на дружку пальцами, но кто-то должен вести себя умнее.

– Принеси воды. – Копировать манеру матери нехитрое дело.

Никодемас смешался, буркнул что-то невнятное и скрылся из виду. Вернулся он уже с кружкой.

Эмили обмакнула пальчики и осторожно провела по ссадине. Грязно-алые разводы бледнее не стали, скорее наоборот.

– Не так, – покачал головой Никодемас, доставая из кармана носовой платок.

Мальчишка опустился на колени и намочил край белой ткани в кружке. Мисс Эмилия настороженно наблюдала: черная макушка, острый длинный нос, почти касающийся царапин, ловкие руки... Хочешь дружить, Никодемас?

– Да... – поднял голову тот.

Сама не понимая, Эмили последнюю фразу сказала вслух! Отнекиваться поздно, выкручиваться тоже – иногда девочка думала и говорила одновременно, но еще ни разу не попадала из-за этого в подобное положение.

– Спасибо, – ответила она первое пришедшее в голову.

– Вот так. – Никодемас сложил платок и перевязал им очищенные царапины. – Что теперь?

– Можно погулять по саду, – предложила Эмили. – Или посмотреть на звезды с пирса.

Ребята вылили остатки воды в клумбу. Лекарь-самоучка отчего-то больше не поднимал глаз.

– Как хочешь, – его голос предательски дрогнул.

– В таком случае – в сад. – Она избавилась от узла на по-
доле.

Мисс Эмилия протянула Никодемасу руку, а тот вдруг с поклоном прикоснулся к тыльной стороне ее ладони мокрыми губами. Девочка незаметно вытерла место поцелуя о сорочку, когда новый друг отвернулся.

Ночной сад выглядел просто волшебным! Стайки светляков маячили в кустах заблудившимися искорками, а яблоневые деревья ласково шелестели бархатными листочками. Впервые Эмили прошла мимо колодца, не поздоровавшись...

– Я могу влезть на дерево. – Никодемас пытался вести себя естественно.

– Зачем? – справедливо удивилась она.

– За яблоками, – нацепив сердитую маску, ответил тот.

– В платье? – Эмили скрестила руки на груди, как обычно делала Альхен.

Друг прикусил язык.

– Это необязательно, – заметив неловкость ситуации, спохватилась она. – Всегда есть другой способ.

Мисс Варлоу выбрала ближайшее дерево, подошла и с разбегу толкнула плечом ствол – яблоки градом посыпались ребятам на головы! Пусть больно, зато эффектно и действенно. Набрав полный подол, Эмили предложила гостю угощаться.

– А что за «пирс»? – как бы невзначай спросил мальчик. – Разве здесь есть река?

– Нет. Чего нет, того нет. – Хитрые огоньки загорелись в веселых глазах. – Тот склон холма слишком крутой. Хотя на дне оврага есть ручей, но я никогда не видела его. Только чувствовала запах. Сейчас покажу.

Эмилия крепко стиснула холодное запястье Никодемаса и потащила мальчика за собой. Она совсем не думала о том, что в мечтах все было не так...

– Дай я понесу яблоки, – попросил тот.

– Мне не тяжело. – Эмили свободной рукой придерживала подол.

Желание делать все без чьей-либо помощи – первое, что отличало Варлоу от остальных девчонок в глазах Никодемаса. Он привык видеть этих загадочных существ стайками пе-

ремещающимися по школьным коридорам и глупо хихикающими. Без дурацких рюшей и оборок она казалась голубеньким облачком.

Ребята петляли по садовым тропкам, стараясь не попадать на открытые пространства, пока, миновав коттедж, дорожка не превратилась в дорогу. Плавный подъем, хозяйственные постройки, последний поворот – и...

Сдавленное «Ах!» застряло в горле! Все красоты, виденные ранее, блекли, терялись, растворялись в необъятном, неописуемом иссиня-черном своде, с которого смотрели тысячи и тысячи звезд!

Эмили осторожно подтолкнула друга на пирс, упирающийся прямо в удивительную гладь. Камни еще хранили тепло, отчего картина становилась полностью нереальной.

Она устроилась на самом краю, свесив ноги в пустоту. За странной пристанью не было ничего, кроме обрыва и бесконечного неба.

– Счастливая... можешь приходить сюда вот так, хоть каждый день! – прошептал ошеломленный гость, словно боясь проснуться и разрушить хрупкую сказку.

– Нет. – Эмили мотнула головой. – Только издалека любоваться. Если мои родители узнают об этой прогулке... Представить страшно! Как минимум, останусь без подарков на Рождество!

«Рождество», «подарки»... ему давно ничего не дарили. А если бы это было и не так, разве имеют значение какие-то

там игрушки, когда на пристани *небо*?..

– Тогда зачем ты здесь? – Никодемас сел рядом.

– Из-за тебя, – честно призналась она. – Утром Патрик поедет в город, и мы, наверное, больше не встретимся.

– А школа? – удивился тот.

– Меня учит мама, – бледные щеки Эмили отчего-то порозовели.

Ребята дружно захрустели яблоками.

– Один раз я пришел – смогу снова, – говорить с набитым ртом довольно сложно.

В груди будто надули яркий шарик, как только девочка перестала думать об этом вечере, как о последнем. Дальше они болтали без умолку: казалось, пала невидимая стена, до того разделявшая их. Складывалось впечатление, что новый друг знает о небе и звездах если не все, то почти все. Никодемас с радостью рассказывал про школу и город, а Эмили слушала, стараясь не упустить ни единого слова.

* * *

Измотанная и злая брела Дайна по безлюдной улице «домой». Давно перевалило за полночь. Бирюзовый свет фонарей нагонял тоску. Именно в такие моменты мисс Уиквилд ненавидела свою жизнь!

Вечные съемные квартиры и чужие города. А за темными стеклами те, ради кого она терпит все это. Те, кто обязан *ей*

своим спокойным сном. Хотя здесь Дайна передергивала. Не только и не столько ей – но сейчас это было непринципиально.

Отчего-то очень хотелось жалеть себя. Мисс Уиквилд понимала, что стоит только начать – остановиться будет невозможно, поэтому гневно отметала подобные мысли.

Ухоженный дворик, белая дверь, ключ свободно скользит в замке. На первом этаже темно. Никто не ждет, никто не встречает... Некому.

Не разуваясь, Дайна направилась вверх по лестнице – напрямиком в спальню. Тело просило «принять положение горизонтально» и провалиться в черноту забытья без сновидений. Но как только нос уткнулся в подушку, усталость сняло, как рукой.

Тот самый бирюзовый свет сочился сквозь легкие шторы. Странное беспокойство ядом распространялось по венам. Она перевернулась на спину и уставилась в потолок.

Залатанная рана никак не тревожила: умелый реконструктор заставил физическую боль отступить одним движением. Жаль, душевную муку не унять так просто...

Дайна попыталась заплакать, но, конечно, не смогла. Такие, как она, не умеют плакать. Редко непривычное чувство – быть жертвой. Леди Дайна Уиквилд, Рыцарь Призмы, Тень. И вдруг – жертва. Еще чья? Грязного грабителя, нападающего на женщин. Что происходит с людьми, пережившими нападение? Их жалеют, о них заботятся близкие, им помога-

ет оправиться от шока специалист. А с Тенями? Ничего. Чинят, как кукол, и отправляют восвояси. Большинству Танцоров все равно. Только Дайна особенная. Дефектная. Бракovaná.

За свою сравнительно недолгую службу Ордену мисс Уиквилд узнала о существовании десятков миров – таких похожих и в то же время таких разных. Но ирония заключалась в том, что даже здесь она не чувствовала себя «своей», а должна бы.

Одиночество точило душу. Борджес единственный и самый верный спутник. Когда-то, в ранней юности, Дайна даже уважала его. Тогда Найджел пил меньше и старательно исполнял роль если не отца, то доброго дядюшки. Только девочка повзрослела, а воспитатель нет.

Был в жизни Дайны и настоящий наставник. Его веры в удачу Тень не разделяла, как и не разделяла перченого чувства юмора с откровенно грубыми выходками. У большинства Танцоров складываются довольно тесные отношения со своими наставниками. Разумеется, это не ее случай.

Еще у каждой Тени есть пара. Как вторая половинка. Но трудно найти кого-то более непохожего на Дайну, чем Руф Тангл. От его незрелой, голубоглазой жизнерадостности откровенно тошнило. Сам Тангл выдумал для себя какую-то привязанность между ними, оттого мисс Уиквилд старалась держать свою пару на расстоянии. И это ей удавалось достаточно успешно.

Однако в подобные ночи Дайна частенько спрашивала себя: а не растолкала ли я всех, кому могу быть нужна? Безусловно, ей хотелось найти виноватого где угодно, только не в отражении. Она обвиняла наставника в том, что он не смог научить маленькую Тень жить в гармонии. Конечно, Сэр Маркус тоже не умел этого, но тут заканчивались ее проблемы и начинались его. Размышления уводили глубже и глубже в липкое мрачное прошлое. В клочок детства, которого попросту не было.

Лежать в давящей тишине в какой-то момент сделалось совершенно невыносимо. Дайна спустила ноги на пол. Нежный полумрак ластился к лицу. Мисс Уиквильд не умела распорядиться личным временем: безделье тяготило хуже болезни. Благо, что это самое «время» выпадало слишком редко. Мастер Тени словно нарочно старался занять ее хоть какой-нибудь ерундой, не позволяя Дайне участвовать ни в чем серьезном. Вот и с утра она наверняка получит очередной никчемушный приказ из серии «бесконечная засада на краю вселенной, где ничего не происходит».

Остальных Теней привлекали на помощь ОПам, на устранение чрезвычайных ситуаций. Одну Дайну никогда. Хотя с ее способностями эта Тень могла оказаться невообразимо полезной. По крайней мере, она сама считала именно так.

«Новый приказ уже через несколько часов. И все войдет в привычное русло», – уговаривала себя Дайна. Хорошо было бы найти замену когда-нибудь и бросить все к такой-то

матери, но как она станет жить после? Если Тень и так не нужна Ордену, зачем тянуть лямку? Правда Дайна прекрасно понимала, что умеет только служить, а, получив «свободу», просто умрет от тоски. Конечно, ее стаж не шел ни в какое сравнение со стажем Борджеса – тем не менее, его слова: «учиться жить по-другому старине Найджелу поздно» – относились и к ней тоже.

Наставник говорил, что тяжело только первое время. Это оказалось неправдой. Жить в полном одиночестве день за днем – невыносимая пытка.

Дайна приблизилась к окну и легким движением отдернула штору, впустив робкие бирюзовые лучи. Они ей что-то напоминали... Фонари грустными глазами смотрели на мостовую, выгнув тонкие шеи, будто сказочные звери. Большое воображение нарисовало полупрозрачную мужскую фигуру, стоящую в столбе света. Несуществующий прохожий поднял голову и – пропал. Мисс Уиквилд моргнула.

Внезапно пейзаж ожил: совершенно реальный горбатый тип вынырнул из темноты. Дайна вернула штору на место и поспешила вниз, поскольку дверной колокольчик голосил, как сумасшедший.

* * *

Найджел дышал тяжелым перегаром. Масляные глазки смотрели виновато. Пока мисс Уиквилд звенела блюдами и

кофейными чашечками, гость смиренно сидел в углу. Положа руку на сердце, Тень могла признаться, что наличие компании, пусть и такой, скрашивало ей существование.

– Прости, что нагрубила. – Дайна перенесла на стол сахарницу.

– Прости, что ушел так... и что перехватил твоего кобальда. – Найджел снял потрепанную куртку и повесил на дверь.

– Может, оно и к лучшему. – Мисс Уиквилд внимательно следила за кофе в пузатой турке.

– Слышал о происшествии в парке, – осторожно начал Найджел. – Понимаю, твои настоящие задачи гораздо опаснее, но все же... Как ты?

– Нормально, – едва заметно улыбнулась Дайна. – Спасибо за заботу.

Борджес нервно пригладил редкие седеющие волосы. В комнате ощущалось напряжение. Неловкий разговор споткнулся и силился не рухнуть в пропасть безмолвия.

– Зачем? – Найджел откинулся на стуле вполоборота.

– Перестань. Не признаю недомолвок, – бросила Тень через плечо. – Хочешь получить ответ – озвучивай вопрос целиком, будь добр.

– Хорошо. – Борджес достал из кармана трубку и принялся крутить ее в руках. – Зачем ты организовала себе экскурсию в тюрьму Трибунала?

Дайна убрала кофе с огня и осторожно разлила по чашечкам так, словно вопрос ничуть не задевал.

– Для того чтоб один старый проныра меня об этом спросил, – подчеркнуто беззаботно отозвалась она.

– Я серьезно, – обиделся Найджел.

– Рада за тебя. – С мелодичным «динь» перед гостем опустилось блюдо.

– Он – зло! – Борджес сделал большие глаза. – Самое настоящее. Итак. Зачем оно тебе?

Мисс Уиквилд пододвинула стул и устроилась напротив.

– Вот я и пытаюсь понять, чего в нем такого, что даже спустя тысячу лет его тело держат в подземелье, – прищурилась она. – Сделали из него пугало – а это просто кусок льда. Оно мертвое.

– Сама-то понимаешь, что говоришь? – Собеседник осторожно отхлебнул кофе.

– Не понимала бы – молчала. – Дайна настроилась на долгий спор.

– Если бы не он, девочка, не распивала бы ты сейчас кофеи со мной, старой развалиной, – Найджел грустно усмехнулся. – Не пряталась от солнца. Не моталась из города в город, не коротала бы одинокие часы в ожидании отмашки от начальства. И не было бы у тебя... белых пятен в биографии. Ты жила бы с родителями, вышла замуж и узнала бы, что такое настоящее счастье.

С этим трудно было поспорить, но...

– Приятель, а тебе не кажется, что все это немного не о том? – Она отставила чашечку. – При чем тут отдельно взя-

тая я? Уж не за это его учат ненавидеть.

— Он заварил кашу, которую мы все еще расхлебываем! — Мистер Борджес продолжал с таким видом, будто перед ним маленький ребенок. — Думаешь, я всегда был таким?

Он небрежно просунул палец в дырку под воротником грязной рубашки.

— Нет, моя дорогая. Не был. — Дайна чувствовала, что Найджела понесло. — Когда-то, очень давно, я был моложе, имел дом, работу, друзей. И женат я... был. Меня уважали! А потом в город пришли дивные и отобрали это. С тех пор я служу Ордену, насколько таланта хватает. А скольких до меня покалечило? Мою прежнюю Тень так же потянуло в подземелье, к нему. И где она теперь? Мертва и осуждена посмертно. Пусть и оправдана потом, но это уже ей никак не поможет.

— Раньше ты ничего такого не рассказывал. — Мисс Уиквилд отвела взгляд.

— Только не говори, что Леди Дайну интересовала личность ее связного! — В скудном свете оконного проема фигура женщины выглядела немym изваянием. — Я был просто сумасшедшим уродцем, который сует нос в твои дела, попутно вытаскивая из разного рода неприятностей. Не пытайся обманывать себя. Мы оба все отлично понимаем. А ведь я не хотел служить. Мечтал о простой тихой жизни в своем крошечном городке. Это же не зазорно. Но знаешь, я счастлив. Остаюсь с тобой не потому, что обязан, а потому, что ты — это ты.

Дайна почувствовала, как внутри все сжалось в комок. Разуму отчаянно хотелось списать неожиданную исповедь на алкоголь.

– Давай закроем тему, если тебе неприятно? – предложила она.

– Если *тебе* неприятно, – подался вперед тот.

– Ты прав. Мне неприятно, – согласилась мисс Уиквилд. – Забыла, как оно – быть неблагодарной, нечуткой дрянью.

Едва ли шутка получилась удачной. К горлу подступало разом все, мешавшее жить последние месяцы. Лишь благо-разумие останавливало Дайну, жаждавшую вывалить свою боль на любого, готового слушать. Тишина звенела в ушах.

– Это, наверное, для тебя слишком. – Слабое утешение. – Оставим, как есть. Ты продолжишь строить вокруг себя стену, а я так... рядом посижу. Вдруг да решишь прорубить окно?

– Понимаю, – кивнула Дайна. – Мы сейчас не станем обсуждать, как с кем обошлась судьба, и выяснять отношения. Не знаю, сделается тебе легче или нет, но теперь я смотрю на тебя несколько иными глазами.

* * *

Часы летели незаметно. Никодемас охрип, а Эмили замерзла, но ребята продолжали болтать, завернувшись в старую темно-синюю штору и плотнее прижавшись друг к дру-

гу.

– Кхм... – никто не заметил, как мадам Александра вышла на пирс. – И что вы двое тут делаете?

Вопрос застал врасплох. Девочка вздрогнула и зажмурилась. Никогда не угадаешь: собирается Альхен поругать или помочь.

– Не думаю, что господа обрадуются, узнав о странной любви своей дочери к ночным прогулкам, – легкий смешок развеял все сомнения. – Стоит отправляться спать. Если, конечно, кто-то не жаждет остаться без Рождества, дня рождения и многих других радостей жизни. Знаем мы вашу матушку.

– Я... я выпала из окна – и... – промямлила Эмили.

– И оборвала штору, – закончила за нее невозмутимая женщина. – Вижу. Следуйте за мной оба. А вы, юная леди, завтра расцелуете нашего Падди в обе щеки. Я так и знала, что однажды вы попыгаете вылезти в окно. Единственно ждала этого не раньше шестнадцатилетия. Девочки нынче так быстро взрослеют...

Никодемас поднялся на ноги и подал подруге руку. Мадам Александра закатила глаза. Когда мальчик скрылся за дверью коттеджа, Эмили почудилось, будто она осиротела. Альхен не собиралась делать остановки. Строгая женщина свернула с дороги и направилась вдоль аккуратно стриженных кустиков. Здесь, где никто не мог слышать, во многом не было нужды. Эмилия подозревала, что кухарка обращается

к ней почтительно исключительно шутки ради.

– Дай мне слово, что без второго побега мы обойдемся. – Этого стоило ожидать. – Больше никогда, понимаешь?

– Честное слово. – Эмили скрестила пальцы за спиной, ведь «никогда» – это слишком долго. – Я испугалась. Падать страшно. Словно время замерло и замерзло, а потом оттаяло и обожгло.

– Оттаяло и обожгло? – уточнила мадам Бонмонт.

– Да, как много-много раскаленных иголок, – вспомнила Эмилия. – Не больно. Просто горячо.

Женщина кивнула.

– Синюю тряпку отдашь мне, – продолжила она. – Тут может только стирка. Боковым проходом тебе пользоваться не положено, но через него можно попасть в дом тихо и незаметно. Вот ключ. Утром отдашь.

Дверь, невидимая с дорожки, оказалась хитро укрыта листьями.

– Теперь сама, – подытожила мадам Александра, принимая из рук девочки бывшую штору. – Выйдешь в гостиную через кухню. От нее не заблудишься.

Эмили быстро справилась с замком и протиснулась внутрь, закрыв за собой. Узкий коридорчик, еще проход, а по правую руку виднелся холл. В темноте все выглядело зловеще. Из-за углей, тлеющих в печи, зубастая заслонка наводила ужас. Эмилия не разделяла любви родителей к старине. Девочка мечтала перестроить здесь все однажды. Сейчас сло-

восочетание «связь поколений» ничего не значило для нее, а великий предок и основатель рода Альберик Варлоу был лишь красивым мужчиной с портрета.

Девочка прокралась на свой третий этаж, как мышь, минутно останавливаясь и настороженно прислушиваясь. На случай, если бы она встретила маму, в голове сложилось отличное оправдание: мол, ходила в ванную вымыть руки, потому что разлила мятное масло, от сильного запаха которого закружилась голова.

По счастью, это ей не пригодилось: дом крепко спал. Но вот сама Эмили что-то не спешила ложиться в постель. Девочка закрыла окно, из которого виднелся пирс и звездное небо.

Ей вдруг захотелось плакать. Мисс Варлоу усадила всех своих мишек и заек мордочками к противоположной стене, взобралась на подоконник и... беззвучно разревелась. Не нужно быть гением, чтобы понять: Никодемас на самом деле никуда больше не вернется. Во-первых, кто ему позволит, а во-вторых, кто его пустит! Тем более, после «приключений» с окном и прогулками.

Мадам Александра бесконечно добра, но отцу, скорее всего, расскажет и про падение, и про пирс. Это же не какие-нибудь залитые чернилами бумаги или дырочка на раздражающем розовом платье. Папа, естественно, ругаться не станет: посмотрит в глаза так, что захочется провалиться сквозь землю, и отправит сюда, «в комнату, подумать над поведением».

В любом случае, дела плохи, хотя теперь Эмили не сомневалась: у нее *есть* друг.

Глава 2. Большие и маленькие перемены

Дайна наглухо застегнула воротник форменной мантии. Вторая кожа никак не стесняла движений, а в волшебной предутренней мгле можно было идти без маски. Руфус никогда не боялся солнца. Он считал, что справится и так. Способность летать и сыпать молниями располагает к легкомыслию. Леди Уиквилд же крепко стояла на земле обеими ногами и предпочитала не искушать судьбу. Ведь никогда не знаешь наверняка, где придется упасть.

Мисс Уиквилд не проявляла способностей к настоящему полету. «Камни не летают, даже при втором аркане воздуха», – твердили ей. Но Дайна совершенно не жалела. Ходили слухи, что некоторые старшие арканы времени позволяли Танцорам оторваться от земли. Однако до такого мастерства еще нужно дожить.

Сейчас же она с огромным удовольствием шла по спящему кварталу на самом краю незнакомого города. Не имело значения, что путь предстоял нешуточный, просто хотелось почувствовать, как жизнь бьется внутри, как стучит сердце и пульсирует кровь.

Дайна не любила суету, царившую в Центральном Управлении Ордена, и про себя жалела тех, кто по роду деятель-

ности обязан появляться там регулярно. Это место звалось «Ульем». Там заседали Совет и Трибунал, трудились как пчелки Тени, ведущие расследования. Возня и шум там не прекращались, пожалуй, ни на минуту. Единственным плюсом Улья было наличие постоянного адреса.

Только вовсе не туда предписывал явиться бархатно-черный лист с горсткой слов, выведенных серебряными чернилами.

Отчего, интересно, такая честь? Неужели наконец-то закончились простые задания? Закончились глупости навроде отлова мелких контрабандистов и проверки лояльности Танцоров – еще более безупречных, чем она сама? В Ордене наконец-то поверили в нее?

Мысли снова и снова возвращали к разговору с Найджелом. Отделаться от старого прохвоста стоило немалых усилий. Раздражал его страх перед замороженным в ледяной столб *трупом* (называя вещи своими именами), который больше не способен никому ничего сделать. Зрела уверенность, что Дайна одна не видит в нем ничего, кроме осколка истории. Новые дивные, бесспорно, отголоски тех прежних, но поверить Борджесу означало приобщиться к сумасшествию. Мертвый старик никак не мог притягивать к себе Танцоров. Им в принципе положено обладать сильной волей и не поддаваться на подобное.

«Похоже, пора разобраться с Леди Помоной Томпсон и ее прошлым», – отметила Тень про себя. – «Оно начинает ме-

шать мне здесь и сейчас». Дайна привыкла решать проблемы по мере появления. Ее будни укладывались в стройный красивый график или понятную схему, где у каждого действия имелось свое место. Мисс Уиквилд нравилось держать подобные вещи в голове. «Ты как слон», – шутил Руф. – «Ничего не забываешь».

Увы, даже самая надежная память не могла помочь отыскать вход в штаб-квартиру Танцоров. Кто-то метко окрестил ее «Театром Теней». Но настоящее название тоже не отстало – Блуждающая Башня. Наверное, только Первые Рыцари знали, как она выглядела на самом деле и где стояла перед тем, как отправилась в бесконечное путешествие. Природу Башни объясняли по-разному. Во-первых, здесь располагались Главный Инженерный Зал и Зал Призмы. Здесь физически находился кристалл, изменивший лицо целого мира – первопричина всего необъяснимого. Во-вторых, не следовало сбрасывать со счетов странное существо, связанное с Магистром и самой Башней узами, смысла которых уже никто не помнит.

В общем, кочующая крепость, невидимая невооруженным глазом, вдобавок еще и защищенная мыслимыми и немислимыми способами, – идеальная база ударной силы самой влиятельной организации.

Дайна резко остановилась, закрыла глаза и прислушалась к себе. Все звуки потерялись, оставляя голос ветра, сегодня больше похожий на нежный рокот прибоя.

Игра в «прятки» – неотъемлемая часть ритуала. Как бы парадоксально это ни звучало, встречались Тени, которым требовалось четырнадцать-пятнадцать часов на поиски. У достаточно молодых Танцоров считалось нормальным являться в Блуждающую Башню без помощи связных, пробуя свои силы. Разумеется, когда некуда спешить. Это почти спорт. Оттого Найджел и перебросил свою хозяйку на исходную точку с максимальной погрешностью.

Привратник же поощрял подобные шалости. Его определенно как-то звали, но Дайна никогда не слышала имени. Старшие Тени болтали, что тот страшный выдумщик и достойный противник, который побеждает в любом случае.

Леди Уиквилд не желала даже думать о возможности поражения. Она и без этого не чувствовала уверенности. Самолюбие подгоняло плетью, обжигая внутренности.

Шаг превратился в бег, а вскоре маска заняла свое привычное место. Дайна чувствовала, что Привратник рядом, что он вступил в игру. Тень отчетливо разглядела практически не приметную стрелочку, нанесенную на вывеску бакалеи.

Для мирных жителей Танцор, разгуливающий по улице, – повод поволноваться. Укутанные в форму Тени знак того, что вот-вот случится беда, если еще не случилась. Скорее всего, поэтому Леди Уиквилд старалась не попадаться никому на глаза. Это не сложно, когда владеешь арканом времени, да еще и к прочим способностям относишься трепетно.

Снова и снова петляла Дайна узкими улочками, проноси-лась по широким аллеям и пересекала небольшие скверы, читая хитро спрятанные знаки, пока, наконец, не уперлась в симпатичную набережную. Здесь еще не прошлись дворники. Пожелтевшие листья лежали под ногами – уликой против прокрававшейся непрошенной гостьей осени.

Облокотившись о холодный камень, одинокий мужчина отрешенно рассматривал пойманную городом в ловушку ре-ку.

– Каков мой результат? – Дыхание сбилось.

– Личный рекорд. – Всегда влажные ярко-голубые глаза смотрели сквозь черный покров прямо в душу. – Готовы вой-ти?

– Да, – кивнула Дайна, не подозревая, на что именно со-глашается.

– Тогда прошу! – Он картинно отступил в сторону и про-тянул руку.

Серый плащ и шикарный вязаный шарф – отличали При-вратника в любую погоду. Он носил их целую вечность. Ка-залось, и человеческий облик бедняга носит, как часть свое-го нелепого наряда. Бледная неестественно гладкая кожа; хо-лодные глаза; светлые прямые волосы точно ниже плеч, рас-смотреть их получше мешали шарф и плащ; тонкие изящные пальцы на узких ладонях; какая-то прозрачность во всем. Проводник производил впечатление пустого сосуда где-то на уровне ощущений.

Мисс Уиквилд непонимающе уставилась на застывшую фигуру. Существо терпеливо выжидало.

– Что мне сделать? – решила Дайна.

– Хмм... – Эмоции давались ему тоже не особенно естественно. – Умение плавать не обязательно.

От смущения щеки залила краска. С сообразительностью явно стряслось нечто страшное этим утром. С другой стороны, если подсознательно рассчитывать на сложности, простое задание покажется невыполнимым.

Однажды ей уже приходилось прыгать с моста, но всякий раз память тела о боли падения мешала сделать решающий шаг. Испуг склизкой змеей скользнул по горлу в желудок. Мисс Уиквилд зажмурилась, а уже через мгновение приземлилась на площадке в центре холла. Мораль? Плохо скрытый страх – брешь в защите.

Звнящая тишина жадно ловила шорох шагов. Стандартная девушка за стеклом кабинки справок обернулась на звук. Предъявив ей бланк с предписанием, Дайна получила направление и чуть не задохнулась от удивления. Вызов в Департамент Наблюдения при Зале Призмы мог означать только одно! Тамошние сотрудники каким-то чудом засекли визит в тюрьму! Тогда почему никто не пытается произвести арест или выдвинуть обвинения? Бояться поздно.

Лифт бесшумно плыл вниз. Где-то в глубине души хотелось поторопить время. Черное одеяние поблескивало в свете ламп. Она смахнула покрывавшую голову ткань, и прямые

темно-каштановые волосы легли на спину.

За дверью лифта встретили идеально-белые стены. Флегматичные работники Департамента Наблюдения, облаченные в серебристую униформу, не обращали никакого внимания на прибывшую. Дайне еще не приходилось иметь дела с этими ребятами, так что она решила просто подождать, благо мягкие кресла в тон стен буквально манили.

Чем конкретно занимался Департамент Наблюдения, доподлинно знал только Сэр Джулиус Коллоу, помимо самих «наблюдателей», разумеется. Официально их деятельность сводилась к курированию локальных призматических подстанций, отслеживанию потенциальных Танцоров, оказанию содействия службам миграционного контроля и прочей информационной поддержке. Поскольку законом охраняется право на частную жизнь, Департамент Наблюдения строго засекречен.

– Здравствуйте, Леди, – бархатный голос принадлежал незнакомому мужчине в очках с толстыми стеклами. – Следуйте за мной.

Однообразный коридор не кончался, а обилие белого начало угнетать. За широкими стеклянными дверями шла непрерывная работа, о сути которой оставалось только догадываться. Когда же впереди свет сделался значительно более тусклым, мисс Уиквилд уже знала конечную точку пути.

Сердце трепетало. Дайна только слышала разговоры о Зале Призмы, и говорили разное. Сотрудники, допущенные

сюда, тщательно отбирались. Они жили в Башне месяцами, а на пенсию уходили молодыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.